

Ал. А. Громько³

ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В восприятии международных событий часто сталкиваются две интерпретации. Первая оперирует взрыв-

ным характером мировых и региональных процессов, неожиданностью происходящего и поражающей обывателя стремительностью, с которой происходят изменения. Как правило, главным субъектом истории считается личность. Речь идет о событийной истории. Вторая интерпретация делает упор на инерционность, закономерности глобального развития, его неповоротливость, своего рода «обломовщину» в поведении системы международных отношений (МО), ощущение, что на фоне мультипликации событий все остается по-старому. Здесь главным двигателем прогресса (или регресса) считаются такие крупные агрегированные категории, как государства, социальные классы, цивилизации, общественно-экономические формации, перед которыми субъективный фактор отступает на второй (если не на третий) план. Речь идет об истории структур, «медленной истории».

Эти два подхода к истории непосредственно сказываются на изучении международных отношений. Для

³ Директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громько» (авт. и сост.) и «Воспоминания о Николае Шмелеве» (ред. и сост.) и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», член редколлегии журналов «Обозреватель», «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир», «Геополитический журнал». Президент Ассоциации европейских исследований России, Член Бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, член Научного совета при Совете безопасности РФ и Научного совета при министре иностранных дел России. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке.

кого-то падение Берлинской стены в 1989 году или распад Советского Союза двумя годами позже предстают историческими землетрясениями, которые еще накануне мало кто предсказывал, неожиданным даром небес или их проклятием. Тех же, кому такие предсказания удаются, считают либо эксцентриками, волею случая угадавшими что-то тектоническое, либо чудесными пророками. Одним словом, события интерпретируются как стечение обстоятельств или как рукотворные, проекция роли личности в истории.

В противоположную крайность впадают те, кто в гипертрофированном виде делает упор на суперструктуры истории, скажем, на культурные архетипы или цивилизационную подоплеку событий, которые якобы программируют всю сущность происходящего. В экономической науке к такому типу исследований тяготеет теория кондрагьевских волн, в политической науке — конец истории, в международных отношениях — столкновение цивилизаций и т. п. Методология непредсказуемости истории МО ведет к релятивизму, когда все относительно (потому что непредсказуемо), а методология инерционности — к фатализму, восприятию неизбежности тех или иных событий, их повторяемости по трафарету на каждом новом витке истории.

В обоих случаях — абсолютизация изменчивости истории, в частности истории МО, или абсолютизация их постоянства — существует опасность попасть в одну и ту же логическую ловушку. Действительно, если переломные моменты в истории столь стремительны, что непредсказуемы, или, напротив, если происходящее на наших глазах, как бы оно ни потрясало воображение, — лишь событийная рябь на глади «медленной истории», то прогностическая функция науки теряет смысл. Можно спорить о том, стоят ли за первым и вторым типами абсолютизации истории МО субъективные или объективные факторы, но это уже становится неважным. В любом случае, если невозможно прогнозировать, то международные исследования обоих типов представляют интерес лишь с точки зрения изучения истории ретроспективно, то есть того, что уже произошло. Другими словами, надо признать, что они целесообразны только для изучения прошлого, но бессильны в анализе будущего.

Вернемся к первому случаю — абсолютизации изменчивости МО, когда многие события представляются прорывными и неожиданными, меняющими правила игры, ломающими привычную логику эволюции мирового политического пространства. Так, террористические атаки на США «9/11» для большинства американцев и большинства жителей других стран были как гром среди ясного неба. Они застали всех врасплох. Только затем стала модной их интерпретация как чего-то неизбежного, например в рамках теории столкновения цивилизаций.

Другой пример — начальный этап мирового экономического кризиса на рубеже 2007–2008 годов, олицетворением которого стал крах банка “*Lehman Brothers*”, приведший в шоковое состояние мировые торговые площадки. «Не сотвори себе кумира» — казалось бы, прописная и извечная истина, но для меж-

дународного финансового капитала Алан Гринспен¹ (точнее, связанный с его именем рыночный догматизм) стал именно кумиром, то есть в данном контексте — ложным пророком. Тогда, после долгих лет растущей как снежный ком уверенности в незыблемости неолиберальной модели глобализации, смерти инфляции, выравнивания экономических циклов вдруг утратили свою силу международные биржи, трейдеры, брокеры, джобберы.

Еще пример спонтанного типа МО — «арабская весна», казавшаяся многим ее участникам и адептам очищающим ураганом, новой волной демократизации, которую невозможно контролировать, но которая обязательно будет носить созидательную природу. Или более локальный пример — неожиданность нападения грузинской армии по приказу М. Саакашвили на Цхинвал в 2008 году, или майдановская революция на Украине в 2014 году. Все эти перипетии роднит то, что к ним мало кто оказался готов. События вышли из-под контроля, и судьбы миллионов людей оказались в плену у воли обстоятельств, случая.

Но какими будут оценки этих событий с точки зрения абсолютизации постоянства в истории МО? Место непредсказуемости занимает запрограммированность. Так, падение Берлинской стены и развал Советского Союза были лишь вопросом времени, были predeterminedены с самого начала их возникновения. Но если согласиться с такой логикой, то само понятие прогноза теряет смысл, так как речь идет не о научном обосновании вероятности, которая может реализоваться, а может и нет, а о пророчестве неизбежного. Или атаки на башни-близнецы в 2001 году в Нью-Йорке, «арабскую весну», межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве можно представить в виде закономерного столкновения тех или иных структур «медленной истории», например варварства и цивилизации, архаики и постмодерна, демократии и тоталитаризма. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 году, многие видят как очередной циклический кризис рыночного хозяйства, один в череде многих начиная с XIX века, после которого, испытав косметический ремонт, докризисная модель глобализации и финансовой архитектуры переувердится вновь.

Итак, с одной стороны, гипертрофированная зыбкость и изменчивость истории МО, с другой — гипертрофированное постоянство, законы истории против случая или случайности. Представляется, что преодоление двух противоположных типов абсолютизации возможно в рамках концепции формационного подхода к истории МО и горизонтального подхода к цивилизационным исследованиям.

Предложенный формационный подход к истории МО предполагает, что на каждом новом этапе международных отношений их субъекты не движутся поступательно в одном направлении, разделившись на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую (вестфальскую, венскую, версальскую, ялтинско-потсдамскую и т. д.), могут в целом сохранять свою природу, но должны для поддер-

¹ Председатель Федеральной резервной системы США (1987–2006).

жания своей эффективности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней, в том числе международной, среды¹. В результате нескольких циклов такой адаптации субъект МО может измениться, казалось бы, до неузнаваемости. В действительности его глубокая трансформация, если считать ее успешной, возможна в случае, если обновление достигается с помощью адаптации фундаментальных характеристик, но не отказа от них. Хрестоматийными являются примеры послевоенной Японии, а позже Сингапура, модернизация которых не свелась к вестернизации.

Также такой формационный подход предполагает, что история МО развивается рывками, посредством череды более длительных периодов стабилизации и более коротких — всплеска насилия. Базисом формаций международных отношений является экономика, но не только. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создает фундамент для надстройки — структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых выстраивается на каждом следующем этапе истории международных отношений новая иерархия государств и их альянсов.

В том же русле классификация цивилизаций по горизонтали означает, что в ходе столетий существования цивилизаций приоритетность и иерархия принципов, на которые они опираются, меняются². Классификация же цивилизаций по вертикали рассматривает их в качестве застывших исторических феноменов.

Находясь между молотом постоянства в истории МО и наковальной изменчивости, важно определиться с постоянными и переменными в уравнении мировой геополитики. Например, климат, географию, религию, культуру, исторический опыт можно отнести к постоянным факторам. Международное право, экономиче-

ские, политические ресурсы, качество государственного управления и тому подобное — к переменным. Без учета обеих категорий факторов исследователь рискует стать проводником той или иной методологии абсолютизации в изучении истории и современного состояния МО. Когда же этого удастся избежать, открывается возможность эффективно применять прогностическую функцию науки, в данном случае в исследовании международных отношений, а значит, на основе этого и заниматься стратегическим планированием.

Задача усложняется тем, что политические и социальные системы не только формируются под воздействием постоянных и переменных факторов, но и сами имеют потенциал изменять внешнюю среду. Например, с помощью определенного нарратива, то есть оценки состояния дел с точки зрения определенного понятийного трафарета, заливочной формы, включая массовое мышление и сознание, стереотипы и клише, которые можно как создавать, так и манипулировать ими. Например, угроза с Востока, дихотомия «Европа–Россия», исключительность нации, коллективный Запад, упадок Европы, духовность против потребительства, индивидуализм против коллективизма и др.

Следовательно, необходимо не только стремиться к научно обоснованным и взвешенным подходам к истории МО в рамках цеха экспертов-международников, но и проецировать такие подходы в массовом сознании, в том числе с помощью создания нарративов, отвечающих национальным интересам конкретного государства. У России уже имеется определенный положительный опыт, например, в популяризации концепции «Русского мира» и собственного видения глобализации (полицентризма), идеи суверенной внешней политики, позиционировании себя как стратегически мыслящей державы.

¹ Громыко Ал. А. Формационный подход к развитию международных отношений (европейский ракурс) // Современная Европа. 2015. № 5. С. 5–13.

² Такой подход предложен в книге: Россия в многообразии цивилизаций / под ред. Н. П. Шмелева, Т. Т. Тимофеева, В. П. Федорова. М., 2011.